

ВЫЖИВЕТ ЛИ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО?

Ангус Дитон

УГРОЗА НЕРАВЕНСТВА

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

- В последние десятилетия разрыв между бедными и богатыми во многих странах по разным причинам увеличился.
- Не всякое неравенство доходов разрушительно для общества, но если оно позволяет небольшим группам людей менять правила игры в политике или экономике в свою пользу, то инновационный рост может прекратиться.
- Общество не достигнет большего благосостояния, если не решит проблему неравенства доходов и не обуздает пагубные типы социально-экономического поведения, вызванные неравенством.

Сэр **Ангус Дитон** (Sir Angus Deaton) — эйзенхауэровский профессор экономики и международных отношений в Школе общественных и международных отношений им. Вудро Вильсона и на факультете экономики Принстонского университета, эмерит-профессор, лауреат Нобелевской премии по экономике 2015 г. Гражданин США и Великобритании, член Британской академии и член Национальной академии наук.

Сегодня мы живем в мире, полном угроз. Два крупнейших бастиона, обороняющих наше недавнее процветание, — проект послевоенной Европы и относительно неплохо функционирующая американская демократия — подвергаются осаде. Волны беженцев, спасающихся от гражданской войны в Сирии, захлестывают Европу и испытывают на прочность традиционную щедрость жителей Северной Европы по отношению к нуждающимся.

Мы стали свидетелями ужасов, творящихся на Ближнем Востоке, замедления промышленного роста в Китае, глобального потепления. Значительная часть населения Европы и США в течение многих лет не отмечает почти никакого повышения уровня своей жизни, и эти люди отказываются от участия в политике, которое почти ничего им не дает. В богатых странах мира темпы роста доходов на душу населения сокращаются, при этом почти повсеместно увеличивается разница в уровне доходов и благосостояния.

Возможно, кто-то засомневается, нужно ли включать такого рода неравенство в перечень действующих угроз, однако было бы ошибкой недооценивать его силу. Каждая из перечисленных мною проблем связана с неравенством, и даже если предельно большое и постоянно растущее неравенство и не выступает причиной той или иной угрозы, оно непременно осложняет ситуацию.

Поэтому может показаться, что мир катится ко всем чертям. Однако чтобы трезво оценить наши перспективы на будущее, нельзя строить прогнозы, основываясь только лишь на нынешней ситуации. Для начала мы должны оглянуться и понять, как далеко мы зашли.

Мы, то есть население богатых стран и многие жители бедных, сегодня несравненно богаче и здоровее, чем когда-либо в человеческой истории.

Обычно под процветанием понимают уровень потребления или материальное благополучие, и это, конечно, важно. Но благополучие человека зависит и от многих других вещей. Материальное

благосостояние мало что для вас значит, если вы умерли или стали инвалидом. Здоровье по праву — важная составляющая благополучия. Образование влияет на уровень заработка и, следовательно, на материальное положение, но оно же позволяет человеку жить более наполненной и интересной жизнью. Подобно богатству, здоровью и образованию, свобода — в том числе свобода участвовать в жизни гражданского общества, свобода передвижения, свобода от дискриминации, насилия, произвольного ареста и заключения — тоже входит в понятие процветания. Все эти свободы сегодня более распространены, чем когда-либо прежде. Если мы

вернемся на 250 лет назад, во вторую половину XVIII в., то увидим, что тогда лишь несколько стран начинали выбираться из прошлого, где нищета и болезни были нормой. На протя-

жении почти всей истории человечества множество детей умирали, не дожив до пяти лет. Чума и другие эпидемии были постоянной угрозой. Только с промышленной революцией, которая повлекла за собой и революцию в здравоохранении, повсюду начался устойчивый экономический рост и улучшились показатели здоровья.

Но даже тогда уровень жизни вырос в немногих странах, и лишь потом жизнь стала постепенно улучшаться в остальном мире. Прогресс породил новые виды неравенства: произошел разрыв в уровне жизни между Лондоном и Амстердамом, с одной стороны, и Джакартой и Пекином — с другой, увеличилась продолжительность жизни и снизилась детская смертность на северо-западе Европы, но в Африке и Азии ситуация не изменилась. Мы наблюдаем последствия этого «большого

Если мы вернемся на 250 лет назад, то увидим, что тогда лишь несколько стран начинали выбираться из прошлого, где нищета и болезни были нормой

разрыва» даже теперь, когда Индия и Китай показали впечатляющий пример догоняющего развития, а в бедных странах произошел еще более впечатляющий рост продолжительности жизни. Сегодня средний подушевой доход в США в четыре раза выше, чем в Китае, в десять раз выше, чем в Индии или Нигерии, почти в 20 раз выше, чем в Кении, и более чем в 90 раз больше, чем в Центральноафриканской Республике (все цифры приведены к прожиточному минимуму в беднейших странах). Столь разительное неравенство в мире — следствие прогресса: причина почти всегда в том, что одни страны получают преимущества раньше других. Но это неравенство также угрожает будущему развитию.

Вряд ли историки когда-нибудь придут к согласию по поводу причин промышленной революции, но важнейшую роль тут сыграла предшествующая ей эпоха Просвещения, особенно родившаяся в ту эпоху концепция «полезного знания». Полезное знание начинается с исследования природы, развития базовых наук и превращения науки в технологии, машины и знания, повышающие качество жизни и способствующие «стремлению к счастью». Новое

знание не спускается с небес; социальная среда и требования своего времени коренным образом влияют на то, как быстро достигается новое знание и в каком направлении оно развивается. Свою роль в этом играет и рынок. Высокие цены на товары поощряют людей к экономии, а один из путей экономии — изобрести новые способы производства, которые требуют меньше ресурсов. Не исключено, что высокие зарплаты в Британии накануне промышленной революции были одним из факторов развития способов производства, которое и составляло суть той самой промышленной революции.

Политическая и интеллектуальная свобода также помогла нам достичь процветания. Инновации зачастую проходят этап «созидательного разрушения», как называл его Йозеф Шумпетер. Новые технологии не только ломают предыдущие способы производства вещей, но и лишают средств к существованию тех, кто зависит от прежних способов. Перемены будут встречать яростное сопротивление, часто успешное, особенно когда действующая власть обладает политической мощью. Впрочем, политические соглашения могут и смягчить это сопротивление. Одна из причин, по которой устойчивое развитие произошло в Европе, а не в Китае, заключается в том, что государственная раздробленность в Европе позволила приверженцам новых, но непопулярных идей — или религий — покидать юрисдикцию одной власти и искать прибежища в другой. Современная глобализация дала возможность более свободного и дешевого

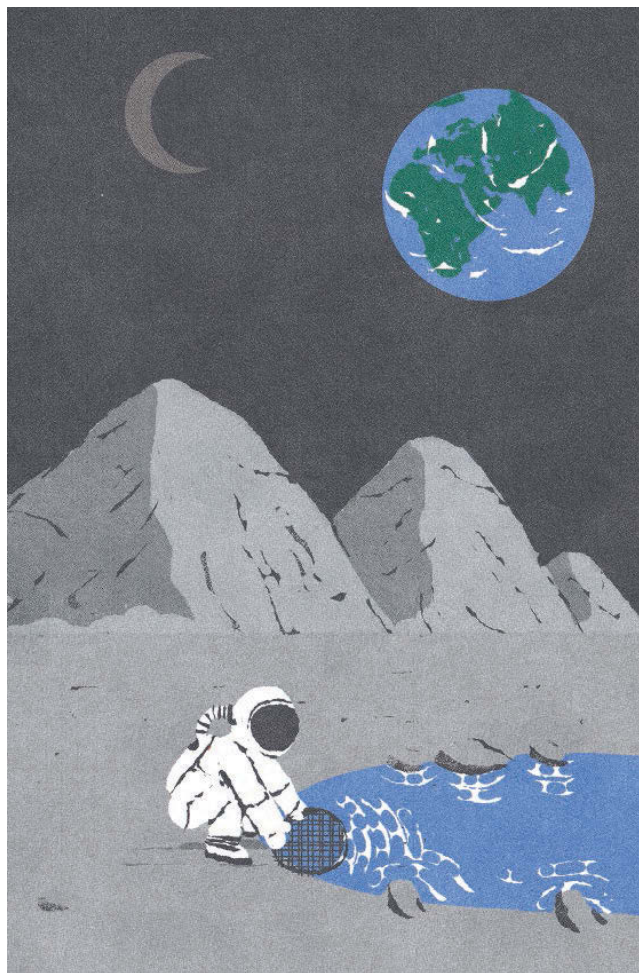

Illustration by Lorenzo Gritti, Portrait by Kyle Hilton

ГДЕ И КОГДА, ПО-ВАШЕМУ, МЫ ОБНАРУЖИМ ВНЕЗЕМНУЮ ЖИЗНЬ?

«Если на Марсе имеется большое количество микроорганизмов, полагаю, мы их найдем в течение ближайших 20 лет — если они будут достаточно похожи на земную форму жизни. Если инопланетная форма жизни сильно отличается от нашей, то ее будет трудно обнаружить. Возможно также, что любые выжившие на Марсе микроорганизмы малочисленны и находятся в местах, труднодоступных для исследования с помощью автоматического спускаемого аппарата. Более привлекательны в этом смысле спутник Юпитера Европа и спутник Сатурна Титан. Европа — это водный мир, где могли развиваться более сложные формы жизни. Титан — вероятно, наиболее перспективное для поисков жизни место в Солнечной системе. Там есть множество органических соединений, но на Титане очень холодно и нет воды в жидком виде. Если на Титане есть жизнь, она будет очень отличаться от жизни на Земле».

Кэрол Клеэлэнд (Carol E. Cleland) — профессор философии и сотрудник-исследователь Центра астробиологии в Колорадском университете в Боулдере.

перемещения товаров, услуг и (в меньшей степени) людей, что в значительной мере позволило Индии и Китаю вырваться из нищеты.

Сегодня перед нами встает вопрос: можно ли бесконечно полагаться на экономический рост, продолжавшийся с 1750 г., или сгущающиеся над нами тучи указывают на то, что наши ресурсы подошли к концу, что наш колодец пересох. Нелзя предполагать, что такое развитие обязательно продолжится, лишь на том основании, что история последней четверти тысячелетия была историей прогресса (хотя и с некоторыми трагическими перерывами). Прогресс и раньше происходил эпизодически.

Я не считаю неравенство вредным само по себе; мое благосостояние не меняется лишь оттого, что кто-то другой богатеет или нищает. То, что иногда называют неравенством, на самом деле стимул; авторы новых идей, приносящих всем нам пользу, часто получают в награду

за это огромные богатства, что само по себе вряд ли действует на общество разрушительно. Опасность неравенства заключается в его реальных последствиях, именно они представляют угрозу для нашего будущего.

Показатели экономического роста на душу населения, уже долгое время не превышающие в США 2% в год, снижаются. Подобное падение отмечается в других промышленно развитых странах. то же самое происходило и до финансового кризиса 2008 г., от которого США так полностью и не оправились, не восстановились темпы роста и во многих европейских странах. Возможно, эта Великая рецессия — лишь еще один эпизод, бросающий тень на рыночную экономику, но дело может обстоять и хуже, и тогда эта рецессия — знак будущих проблем.

Прирост ВВП на душу населения, несмотря на несовершенство этого показателя, остается основным индикатором растущего благосостояния. При росте ВВП на 3% в год доходы населения удваиваются

за 25 лет, то есть в течение одного поколения; при годовом приросте в 2% доходы удвоятся за 35 лет; при росте в 1% в год — за 70 лет. Многие американские и европейские семьи со средними доходами уже потеряли шанс иметь более обеспеченную жизнь, чем у их родителей; вместо этого они борются за то, чтобы жить не хуже. В условиях замедленных темпов роста стало труднее заниматься политикой. Когда пирог экономики растет, каждый может отрезать себе кусок побольше, но если размер пирога остается неизменным, я могу взять себе побольше, только отняв у другого. То же самое относится к социальным благам — здравоохранению, соцобеспечению, образованию, инфраструктуре. В условиях экономического роста эти блага можно использовать и расширять, не сокращая их текущее потребление; но если экономический рост отсутствует, кто-то должен будет отказаться от части того, что уже имеет.

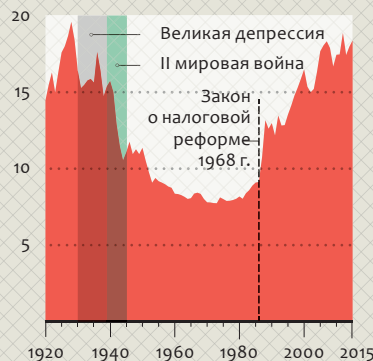
Медленный рост способствует формированию групп, члены которых

РАЗРЫВ В ДОХОДАХ

Пропась увеличивается

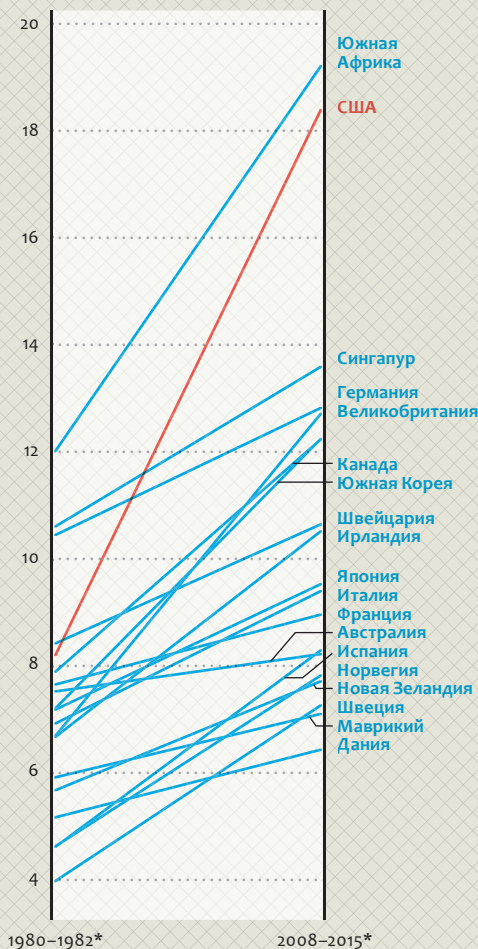
Несмотря на то что большие различия в доходах сами по себе не губительны для общества, они поддерживаются своеобразной деятельностью — определенных групп людей, причастных к распределению доходов и способных увеличить собственные доходы в ущерб экономическому росту и демократическому правлению. По мере растущего неравенства в доходах столь пагубные последствия становятся все труднее сдерживать (например, путем финансирования программ помощи нуждающимся). Как показывают диаграммы, за последние десятилетия разница доходов в США заметно увеличилась, причем она росла более высокими темпами, чем в других странах.

Доля национального дохода, получаемая 1% богатейших граждан (США, 1920–2015 гг.)

* Ежегодные данные по некоторым странам отсутствуют. На графике приведены последние имеющиеся данные за указанный период. Доходы от прироста капитала не учитывались.

Доля национального дохода, получаемая 1% богатейших граждан

обогащаются за счет более широких слоев населения, например проталкивая законы и нормативные акты, которые увеличивают их собственные доходы или защищают их иным образом, тормозя нововведения и полезные реформы и тем самым еще больше замедляя рост. Экономисты называют такого рода деятельность поиском ренты. Политолог и экономист Мансур Олсон (Mancur Olson) полагал, что поиск ренты расстраивает экономику богатых стран. Примеры этого можно найти и сегодня. Вот лишь один из них. Национальные институты здравоохранения, одно из важнейших государственных исследовательских учреждений в США, объявили в 2015 г. по настоянию Конгресса, чей состав неплохо спонсируется индустрией здоровья и сильно настроен против проведенной Барак-ом Обамой реформы здравоохранения, что не будут финансировать исследования, главная цель которых — «оценка стоимости и эффективности» системы здравоохранения.

Если не происходит распределения плодов экономического роста, каким бы он ни был, возникают новые проблемы. Те, кому достается меньше, могут и потерпеть, когда им что-то перепадает, но если их доходы не растут или сокращаются, вряд ли они будут долго с этим мириться. Неравенство становится вопросом политики. В идеале подобное недовольство приведет к смене политического курса. Но если политическая система восприимчива только к нуждам богатых (к каковым, как полагают, и относится Конгресс США), возникает непосредственная угроза политической стабильности и в конечном итоге самой демократии. Если основные политические партии ничего не предлагают тем, кому не хватило национального пирога, то эти люди могут прибегнуть к политическим средствам или кандидатам, представляющим угрозу либеральной демократии. Люди, чьи доходы сокращаются, испытывают вполне реальное снижение материального благополучия. В США у представителей среднего класса не просто перестают расти доходы. Наблюдается кризис в отношении людей к своему здоровью: белые американцы среднего возраста нелатиноамериканского происхождения убивают себя алкоголем

Отстающие: многие, кто в июне проголосовал за выход Великобритании из Евросоюза, решили, что заявленные выгоды от членства страны в ЕС прошли мимо них или достались кому-то другому

и наркотиками, кончают жизнь самоубийством. Максимальный рост продолжительности жизни произошел в последние годы среди населения с максимальными доходами.

Прежде чем думать, что делать дальше, необходимо понять причины замедления роста. По этому поводу ведется много споров, хотя есть несколько

Если основные политические партии ничего не предлагают тем, кому не хватило национального пирога, то эти люди могут прибегнуть к политическим средствам или кандидатам, представляющим угрозу либеральной демократии

конкретных указаний на причины замедления роста — и все они связаны с увеличивающимся неравенством. В США мы тратим огромные средства на здравоохранение (хотя и меньше, чем некоторые другие), значительная часть которых уходит впустую и дает невысокую отдачу. Эти деньги берутся из доходов граждан, поэтому люди платят за лечение больше, чем они думают. Такую систему яростно защищают те, кто прямо или косвенно использует в качестве источника своих доходов и власти почти пятую часть американского ВВП, которую поглощает здравоохранение.

Финансовый сектор — еще один ключевой игрок, вносящий свой вклад в наше благосостояние, но и этот сектор слишком велик. Гигантские премиальные суммы для частных лиц, которые генерируются в этом секторе, намного превышают его отдачу для общества. Многие из наших лучших умов подвизаются в этом секторе, вместо того чтобы заниматься реальным производством или изобретать новые способы лечения болезней. В то же время нестабильность раздутого финансового сектора порождает риск финансовых кризисов, которые имеют катастрофические последствия для экономического роста.

Сам масштаб секторов здравоохранения и финансов обеспечивает им политическое влияние, что осложняет контроль над ними. Потом эти секторы становятся инструментами неравенства: они генерируют огромные доходы для немногих и в то же время замедляют темпы роста и срывают модернизацию.

Мы вряд ли вернемся к процветанию, пока не решим проблему неравенства доходов и не ликвидируем определенные типы экономического поведения, которые выступают и причиной, и следствием этого неравенства

Если мой анализ верен, то мы вряд ли вернемся к процветанию, пока не решим проблему неравенства доходов и не ликвидируем определенные типы экономического поведения, такие как поиски ренты, которые выступают и причиной, и следствием этого неравенства. Подобно китайскому императору, жившему в XV в., который из страха потерять власть запретил мореплавание, способное уже тогда сделать Китай мировой державой, мы рискуем задуть инновационный рост, залог нашего будущего процветания.

Тенденцию растущего неравенства будет трудно повернуть вспять. Доказательством этому служит то, что неравенство столь широко распространено в богатых странах — несмотря на различия в особенностях государственного управления и вопреки энергичной политике социального обеспечения в странах, где стремятся обуздать неравенство. Проблема в том, что в результате технического прогресса, автоматизации, глобализации и создания рабочих мест за пределами своей страны произошло не просто обычное временное перемещение работников, которые в конечном итоге — или, по крайней мере, их дети — тоже могут получить некоторые преимущества от богатства, прирастающего

в результате действия перечисленных факторов. Кажется, вместо этого перемены дали начало процессу, при котором никакой выгоды работники не получают, либо прибыль уходит иностранцам или владельцам основных средств производства. Подобные опасения возникали в аналогичных обстоятельствах на протяжении всей истории человечества, и они всегда оказывались беспочвенными, поэтому в этот процесс следует вмешиваться очень осторожно, если мы верим (а я верю), что развитие техники — это основа нашего растущего благополучия и увеличивающейся продолжительности жизни. Несомненно также, что после томительно долгой Великой рецессии легко быть пессимистом. С учетом этого страхи вполне обоснованы, и экономисты высказывают больше опасений, чем когда-либо.

Какие есть позитивные факторы, способные стать противовесом всему этому пессимизму? Один из них состоит в том, что демократия в конце

концов преодолет все трудности, что слои населения, не имеющие в данный момент адекватного представительства во власти, используют демократические процедуры, чтобы избрать более отзывчивых к их желаниям лидеров. Это будет трудно, на этом пути встречаются угрозы демократии, но это не невозможно.

Второй и самый яркий луч надежды посылает нам история, с которой я начал: надежда на то, что люди формируют свои обстоятельства в соответствии со своими потребностями, по крайней мере в перспективе. Речь ведь идет не о какой-нибудь планете-убийце, которая сближается с Землей и грозит уничтожить ее. Общественное устройство можно изменить, и его нужно будет изменить. Я уверен: если с этим ничего не делать, то ориентация на поиск ренты в современных ее масштабах и крайняя опасность национального и международного неравенства, которое она порождает, способны нас погубить. И все же я оптимист, потому что стремление к счастью сегодня так же сильно, как и в XVIII в. ■

Перевод: С.В. Гогин

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Тейлор Л. Пост неравенства // БМН, № 7, 1987.
- Rent Seeking. David R. Henderson in The Concise Encyclopedia of Economics. Second edition. Liberty Fund, 2007. www.econlib.org/library/Enc/RentSeeking.html
- Growing Unequal? Income Distribution and Poverty in OECD Countries. Organization for Economic Co-operation and Development, October 2008. www.oecd.org/els/soc/growingunequalincome-distribution-and-poverty-in-oecd-countries.htm
- The Great Escape: Health, Wealth, and the Origins of Inequality. Angus Deaton. Princeton University Press, 2013.